

Пасьянс вне времени

Россия, 2005, 1-й дек., с. 18

Майя Плисецкая видит балет «Дон Кихот» в ритме брейк-данса

Елена Соломинская

Грандиозным гала-спектаклем «Дон Кихот» в Кремле завершился фестиваль балетов в честь 80-летия великой балерины, проходивший на сцене Большого театра. Статистика студенческого ноябрьского вечера у стен Кремля была неумолима: черный рынок предлагал билет в партер за 25 тыс. рублей, за 3 тыс. улетал балкон и за 2 тыс. гарантировали оперативное преодоление контрольно-пропускных препятствий для легко одетых дам и господ в вечернем. Припорошенная пушистым снегом очередь в Александровском саду напоминала прежний «хвост» в Мавзолей.

Но у русских своя особенная страсть. Балет! Возведенный на пьедестал памяти поколений, он стал символом державной гордости, исторической ценности и семейной традиции. И если фундамент русского балета XX века закладывали такие звезды, как Павлова, Кшесинская, Семенова, Уланова, то прыжок в XXI совершила именно она — Майя Плисецкая. Говорить о ее возрасте бесполезно — пусть лучшие косметологи мира пытаются постичь ее тайну. Она убеждена, что люди, как цветы, — есть те, которые быстро вянут, а есть долгоцветы. Ее осанка, ее невероятной красоты руки-крылья, свет ее улыбки — образцы для подражания. Ее достоинство и искренность в общении с людьми завораживают. С одинаковой элегантностью и простотой общаются она с принцем Австрийским и билетершами Кремлевского дворца, которым в гала «Дон Кихот», кстати, представилась редкая возможность выйти на сцену исполнив уморительный мимик с цветами — приложением к звезде.

Ее называют мифом, тайной, символом советской эпохи в искусстве, сожалея, что эта эпоха ушла. Нет, не ушла! Вот она, стоит на сцене, даря зрителям невероятную энергию духа и всепобеждающую силу воли к танцу. 6 тысяч

зрителей, завороженные ее феноменальным магнетизмом, следили за каждым па, дрожью веера и поворотом головы. Зал будет виться и стонать, когда великая, захваченная вихрем танца мировой звезды фламенко Хоакино Кортеса, невзирая на свои 8-сантиметровые каблучки, пустится с красавцем испанцем в темпераментный пляс.

Режиссер-постановщик гала в КДС Алексей Ратманский, художественный руководитель балета Большого театра и один из последних партнеров Плисецкой, хорошо знает вкус Майи Михайловны — удивлять, потрясать, восхищать. Его сюрпризы-деликатесы — яркая палитра от фламенко до танца шаолиньских монахов, виртуозно синхронизированного... под музыку «Дон Кихота». Да, Майя Плисецкая, прорывая в прошлом запреты и даже не идя в ногу со временем, а опережая его, сегодня видит «Дон Кихот» с брейк-танцовщиками и восторгается современными пластикой и ритмом.

И конечно, королеву танца прибыли приветствовать настоящие бриллианты классического балета всех ведущих трупп мира — премьеры Национальной оперы Парижа, Королевского балета Великобритании, Национального балета Кубы, Берлинского государственного балета и, конечно, Мариинского и Большого теат-



«И увядание земное цветов не тронет неземных...» (Ф. Тютчев)

реинии». Эти партии исполнили молодые солистки Большого, увы, так и не дотянув до уровня примы. Загадкой осталось, какое отношение имела к событию «Казачья кавалерийская», исполненная, вероятно, в память о сводных кре-

сировала фирменной хореографией Мориса Бежара «Ave, Майя» — воистину скажочное зрелище наяву!

День рождения — это всегда подарки, а юбилей — тем более. Большой театр преподнес сразу два балетных подарка. Первый — балет на музыку Стравинского «Игра в карты» в хореографии А. Ратманского. Одно из хобби Плисецкой — разложить пасьянс на досуге. Хореограф отказался от какого-либо либретто, поставив чистую абстракцию для восьми пар танцовщиков: 25-минутная ажурная хореография из арабесок, пируэтов, вращений, батманов невероятной высоты и скорости, да еще под весьма непростую для балета музыку Стравинского.

Пасьянс стал для танцовщиков настоящим испытанием на выносливость. Получился некий марафон с классическими руками и нечетким рисунком танца, который, вероятно, весьма удался где-нибудь в Европе и Америке, где Ратманский и ставил ранее, но отечественным танцовщикам для этого следовало либо перекроить мускулы, либо изменить школу. Пока же карты весьма неясные, а игра незахватывающая. Со вторым подарком все выглядело более логично: восстановленная кубинским мэтром Альберто Алонсо специально к юбилею примы «Кармен» — прорыв балетно-сексуальной революции на советской сцене, который в 1967 году министр Фурцева определила, как «чуждый нам путь», а Майя Михайловна в ответ пригрозила и вовсе покинуть Большой. Декорационно-костюмерное убранство спектакля выглядит ныне более современно, костюм самой Кармен — эротичней, а откровенность ее движений более никого не смущает.

Светлана Захарова не пытается меряться харизмой с

Плисецкой, а создала свою Кармен, фирменная фишка которой в абсолютной технике танца: игривую, сильную, взвалмошную и безумно сблазнительную. Руки-кулаки были наотмашь, невероятной красоты ноги рассекали воздух стремительными гранбатманами, глаза сверкали молниями. При такой страсти не совсем ясно, что ее Кармен так привлекло в Торропо, тяжеловесно исполненном Марком Перетокиным, и чем так опасен рок, который довольно хило станцевала Мария Аллаш.

Майе Михайловне Плисецкой покой только снится. После фестиваля, вечеров музыки и банкетов в Москве на очереди чествования в Лондоне, Париже и Токио. Настоящий огонь на сцене и в жизни, она и в 80 лет живет в ритмах фламенко и брейк-данса. Не в этом ли секрет ее вечной молодости?